

«Кажется, я слишком расслабился» открыв глаза, которым было суждено наткнуться на потолок и никак иначе, ведь Нилрему нужно было думать, усердно размышлять, посылая свое сознание в дальние плавание на дракаре, сквозь ужасный шторм страхов и фобий. Где-то за их хитрющими и совсем не добрыми улыбками скрывалось тайное сообщение, написанное на клочке бумаги, который поместили в бутылку, заткнули пробкой и пустили в открытое море.

Что-то, о чем Нилрем предпочел бы позабыть навеки, нагнало его и вlepило крепкую затрещину. Этим «что-то», была магия. Его верная спутница в одну сияющую ночь сменила вуаль, исказившись до неузнаваемости. Ранее, красивая барышня, на одну единственную ночь превратилась в грозного амбала, и этот амбал так удачно принялся исполнять обязанности мелкого коллектора, что у Грейрате не было шансов защитить себя и свое тело.

Проще говоря, слова Императрицы Демонов — Киширики Киширису начали исполняться в реальность. Нет, считая подобным образом, Панацея понимал, что лишь врет самому себе. Болезнь не «внезапно» проявила себя, она вот уже как год успешно прогрессировала, просто без физических признаков. Парень отложил предупреждение в сторону по причине истинной ненужности. На тот момент времени, ему не было смысла задумываться над сроком жизни, ведь та могла закончиться и завтра... но не в текущей обстановке.

Мягкая, белоснежная постель, место для постоянной учёбы и работы, прогресс в исследованиях... всего этого так давно не было, что пусть он каплю осторожности и его тело парализовал бы страх.

«Сколько же я утратил лет?» Учитывая одиннадцать лет естественного роста, прямо сейчас он выглядел в диапазоне от шестнадцати до двадцати, а то и больше. Паспорт в магазине, при покупке пива его бы попросили, однако и не удивились бы, узнав, что юноше то больше восемнадцати.

На лице ещё не росла щетина, которая прибавляла всякому тройку лишнюю в годах, а длинные волосы только нагоняли неприятных ощущений. Они вечно путались и норовили ухватиться за все подряд.

Лик Панацеи, мага королевского ранга, новым утром ослеплял все и вся своей тёмной тучностью.

Прокряхтев болезненное: «Надо бы вставать», Грейрат поднялся и приступил к заветным упражнениям. В голове его ещё не остыли события прошлого дня, такого же светлого утра.

Помнилось ему, на тот момент, он действовал неадекватно. Словно в бреду. В первую очередь хотелось убедить себя, что все это сон, и никакого взрослого Нилрема не существует. Во вторую очередь пришлось быстро успокаивать непонятно с какой целью пришедших гостей, на лету выдумывая очередной эксперимент.

Гости, подобно экспертной группе, смотрели на Нилрема с той достаточной долей скепсиса, чтобы вынести приговор «мошенник» и «обманщик», однако, высказаться в этом направлении могла разве что Норн. Девочка благополучно промолчала, и Нилрем продолжил врать, выпроваживая каждую деву из комнаты не только жестами, но и двумя-тремя словами поумнее, дабы прикинуться, что все под контролем и все было предсказуемо.

Оставшись сам на сам внутри мага образовался спор. В коротком блиц опросе, победила гордость, которая решила не подавать окружающим и малейшего намёка на внутреннее душевное смятение. Не мог себе позволить парень ныть и проливать сухие слёзы. Пускай это и хотелось делать.

Как иногда странно поступали люди, не желая доверять даже самым родным и открываться им с проблемами. Напротив, они скрывают все за ширмой толстого кожаного плаща, и признаются в наличие малюсенькой проблемы только тогда, когда вся гниль начинает вываливаться наружу.

С того момента как были выпровожены непрощенные гости, Нилрем так ни разу и не выглянул за пределы комнаты. Вчера, весь день он пытался понемногу использовать ману, однако её истощение сказывалось на здоровье в сто крат хуже физической ломки. Только он пустит её по телу, как оно словно окунается в кипящую лаву. Было адски больно и естественные мысли внутри черепной коробки кричали прекратить собственное истязание.

Одного оборота планеты по своей оси оказалось недостаточно, чтобы решить проблему. И вот, мы снова здесь, смотрим безучастными, мертвыми глазами в потолок и пытаемся сосчитать количество мазков, которые успел проделать мастер, покуда его не позвали в лучшее место на более оплачиваемую работу.

— И что мне делать? — закончив болезненную разминку, Нилрем уложился на твердом полу, раскинув конечности в стороны, казалось, на твёрдом даже комфортнее чем на кровати.

Анормальное состояние здоровья, слабело с каждым прошедшим часом, однако если таким образом посчитать, получалась занятная картина, растянутая в своем великолепии на целые семь дней. Ровно столько потребуется времени на полное выздоровление, или по крайней мере, ухода боли, как фантомной, так и физической.

Дело пошло бы быстрее, если бы Нилрем попросил помощи. Мари или же кто-то из сестёр, ещё в первые особенно мучительные часы могли облегчить ношу. Но выиграла, на барабанах, суровая гордость лучшего целителя Панацеи. Это было его не самым умным решением. Осознав это, сегодня, собираясь с силами, Грейрат готовил речь, для того, чтобы ему оказали помощь. Вот таким вот ранимым существом оказался маг великой ступени. Разве не смешно?

— Чёрт! — и без того раненая ладонь, с силой впечаталась о пол. Треснула плита, складываясь в непримечательный для глупого глаза знак смерти. Верно, крик Нилрема был наполнен не гневом, а отчаянием.

Он до конца не верил словам Киширики, до последней нитки своей паскудной сущности надеялся на чудо, на то, что проклятое наказание забудет о нем, точно так же как он со всех доступных сил забывал его. Однако оно все же всплыло.

Костлявая рука из мёртвого моря ухватила за плечо однажды умершего мага. Подобной хватке позавидовал бы всякий, который возжелал себе спасения. Нет на свете тех, кто полностью принял свою болезненную смерть. Жили глупцы, которым смерть казалась личным раем и пристанищем, вот только, были ли эти храбрецы так же мужественны перед самой крайней чертой? А пересекая черту, как можно быть уверенным, что их твердая воля ни разу не дрогнула?

Смерти не боятся лишь глупцы да безумцы, и то, по их собственным словам. А зачем верить дурному иль безумцу? Однако страх смерти у каждого все-таки различился. Кто-то больше, кто-то меньше. Проблема в том, что некоторым было сложно даже обернуться.

Нилрем был из таких. Его парализовал липкий, влажный страх увидеть позади не только костлявую руку, но и мертвые, пустые глазницы скелета. По тёплой шее пробежались лапки неизвестных насекомых принося ощущения морозного дыхания смерти. Грейрат стойко игнорировал это ощущение.

И все же, парень был живым. С кричащим страхом смерти и стальным желанием жить. А как всем известно, чем больше человек боится смерти, тем ближе он к безумию. Многие известные правители искали бессмертия и Нилрем был не исключением. Ещё в дальней деревушке Рэ'Пал, ему удалось в теории, создать биологическое бессмертие, однако, что от него сейчас толку, если тело само, без спроса словно вывернулось наизнанку и выросло, используя внутреннюю ману.

— И что же это, на следующий год все повторится? — ох, следовало мыслям докатиться до этого момента, как начался сущий кошмар, где по комнате летали многие исследования, рвались магические круги... Не сыскать сейчас в комнате Панацеи тихого и чистого уголка, все было поднято на воздух.

Прошёл час, и боль в теле переросла в невыносимую. На этот раз, отдых проходил в глубоком кресле. Парень уложил руки на подлокотники и запрокинул голову к потолку, однако же, не для простого созерцания. На этот раз, он считал. Считал сколько ему пророчила Киширика.

— Она говорила о пяти годах... один уже прошёл, — бормоча под нос подобные слова, воспоминания о былом медленно возвращались.

Будущее отныне — туманно и непредсказуемо, однако задача разобраться в этом деле оставалась неизменной. Во-первых, на ум Грейрату очень быстро пришла Джинкс. Малявка, которую он спас, и которая прямой линией отсылает Нилрема на те события. Ранее он пожалел мать с ребёнком, однако сейчас в моменте невероятной ярости и грусти был готов их поубивать.

Временная вспышка ярости к знакомым угасла очень быстро. Желание убивать, уменьшилось, а вот пойти и изучить, что там с Джинкс, наоборот, прибавилось.

Однако в таком виде, Нилрем не мог выйти в люди. Ему нужна была новая одежда и умелый парикмахер. И обращаться с этой просьбой в любом случае придется к Лили.

— Ну что ж... мне должны поверить, когда я скажу, что провел ряд не опасных ритуалов.

Не поверили.

Вернее, будет сказать, пощечина от Лили определенно намекала на этот ответ, но вот подобранная одежда и новая причёска говорили о другом.

Все это случилось ещё в тот самый день, который, казалось не мог стать ещё более вопиющим.

Лилия даже не удосужилась объясниться за удар, банально продолжив изображать непроницаемое лицо и задирать вверх глаза с очками, поскольку теперь Нилрем был выше Лили больше чем на пол головы.

Грейрат вполне разумно принял удар с честью, не вызывая истерик и скандалов, которые непременно поднялись бы, не окажись горничная до того близка и дорога его сердцу. Панацея видел нить мотива, но видел её слишком слабо.

Невдомек ему было, как быстро слух о «эксперименте», пролетел, и как убивались волнением ближайшие родные. Ещё бы, раньше ведь не подавал он повода для сильных волнений. На момент, когда Лилию и Аишу отвозили обратно в Милисион, Нилрем уже изрядно поднабрался

опыта в сражении с бандитами (его больше не дырявили и даже царапин не оставалось), да и этих самых разбойников стало на порядок меньше.

Вот собственно, Лили и выдала всеобщую амнистию своим простым ударом.

Отпуская этот курьёз, день закончился на снятии мерок да быстрой незамысловатой стрижкой. Лили, а за ней и остальное трио неожиданно сплочённый девичьих глазенок, во всю обсуждали новую причёску, которая подошла бы к лику Панацеи.

Парень не волновался, однако краем глаза замечал, как дёргались ножницы мужчины. Парикмахер (запуганный слухами горничных о хозяине дома), вздрагивал едва ли не раз в три слова. Того гляди и его шикарные волосы цвета весенней вишни повыпадают из-за стресса.

В общем, надумали они изначально ему близкую к прошлой причёске, за исключением оставленного хвоста сзади, подобно причёске Пола. Лили собиралась одобрительно кивнуть, как в процессию вмешался Нилрем и заявил свое вето на себя же. Второй вариант с короткой стрижкой волос понравился слуху мага больше. Ему не хотелось много ухаживать за длинным хвостом, и уж тем более где-то им цепляться при работе или спарринге.

Преображение прошло на славу, пускай по первой, и непривычно было видеть Нилрема таким.

Новым днём, третьим по порядку от инцидента, в комнату мага королевской ступени прибыла простенькая одежда нового размера.

Боли в теле поубавилось, да и к ней самой выработалась большая терпимость, так что третий день Нилрем заочно называл прекрасным. Он едва не вернул себе способность к магии... ключевым словом здесь выступает «едва». Привычная возможность изменять реальность под свои хотелки ему все ещё была недоступна. Напомним, Грейрат сейчас не может колдовать, а значит запах его, медленно, но верно превращался в вонь. Потому первую половину дня, маг проводил в бане, отмываясь и ещё больше расслабляясь, а на вторую была запланирован визит к Карле и её дитя.

Сомнения, связанные с плохим состоянием Джинкс имелись. Однако же, правдиво чеша свой затылок, Нилрем должен был признать, весь прошлый месяц о Карле как-то позабылось.

«Некрасиво получилось».

Но оправдываться парень и не собирался. Сейчас он освежённый, только после бани, уверенно шагал по коридорам, секундой позже, проходя длинную гостиную.

Горничные замечали юношу, однако как-то не спешили кланяться ему в ноги или хотя бы приветствовать хозяина места. И это неприятно удивляло мага. Он недовольно цокал языком, когда проходил мимо каждого слуги, каждой горничной и дворецкого. Нерасторопные люди только в недоумении обращались вниманием на центр недовольства и хлопали глазами.

Останавливаться и растолковывать как принято встречать хозяина слуге, Нилрем посчитал пустой тратой времени, да и всего можно было скинуть эту работенку Лилии. Он не ведал, что вины прислуги здесь и в помине нет, и дело в той самой Лилии, которая не удосужилась рассказывать о изменениях направо и налево. Она четко обозначила своей дочери — Аише, что лучше пока дожидаться слов мага, и только после делать какие-то громкие заявления.

Так что, было чудом уже то, что местная прислуга не спросила кто это такой напыщенный расхаживает по поместью и высказывает свое «фэ», каждому встречному. Одни видели в Нилреме приглашённого аристократа, вторые инспектора, третьи и вовсе контролёра качества сервиса. Несмотря на разные теории, в точке «Ха», сходились все. Неизвестного злого гостя лучше не останавливать, уж очень он уверенно продолжал свое движение.

Исключением стал дворецкий Разан, который по чистой случайности оказался не в том месте, не в то время.

Как именитому дворецкому, чью личность заимствуют в иных домах, Разан беглым прищуром, как только мог, осмотрел идущего к нему незнакомца.

Светлые блондинистые волосы, четкое симметричное лицо, надменный взгляд... этот юноша вносил смуту в самую душу дворецкого одной своей властной проходкой. Так ходят короли по красной дорожке к своему трону, но никак не безымянный человек к закрытой двери.

Окромя статного лица, внушала и фигура в достаточной пропорции, чтобы отнести идущего, к какому-то направлению, как боевой дворецкий, Разан с трудом мог определить юношу в высшую лигу продвинутого мечника. Вернее, дворецкий взял пик силы, поскольку лучше переоценивать своего возможного врага чем недооценивать.

Приблизившись на расстояние в три шага, глаза дворецкого вдруг ярко сверкнули.

— А вы... — память на лица у людей, как правило работала намного лучше, чем на имена. Поэтому узрев в юноше какие-то схожие черты, Разан было решил, мол он уже когда-то видел его. Только вот когда?

— С дороги, — Нилрем же, ещё не осознавший, что вокруг никого его не узнавал, за пройденный путь накопил в себе достаточно злого умысла, чтобы и ударить кого ненароком. — Не мешайся.

— Прошу прощения, — не скрывая дрогнувшего голоса, Разан слегка поклонился. По спине табуном прошли мурашки, а на лице начал проступать пот. Кажется, в свирепых глазах Нилрема, мужчина нашёл то самое желание выместить весь скопившейся пар. Попадать по горячую руку неизвестного мастера дворецкому совершенно не хотелось. Однако! Он был частью этого поместья! Он имел обязанности и что самое главное, гордость слуги Латрей! — Могу я узнать, с какой целью, вы решили навестить госпожу Карлу?

— Ещё один вопрос, и твоя голова полетит в окно, без тела. Отойди, это последнее предупреждение.

«Я был прав. Этот человек и вправду... очень опасен». Разан рефлекторно сглотнул комок тяжелой слюны. От нарастающей нервной атмосферы, губы мужчины тронула лёгкая улыбка пост ироничного значения. «Вот значит, как закончится моя жизнь? Что ж, госпожа Карла, ваш верный слуга, в конце концов пытался сдержать целого дракона, не серчайте уж».

Последняя капля терпения Нилрема едва не упала. Кулаки сжались до болезненного хруста, брови нахмурились, а выпускаемая ярость уже вот-вот собиралась преобразиться в настоящий меч, который и пронзит сердце неразумного, но храброго дворецкого. В этот ничтожно жалкий промежуток времени, он все-таки успел высказать последние слова разума.

— Я не смогу пустить вас, не зная, что будет грозить госпоже и её ребёнку. Умерь свой пыл! Ты уже распугал всех слуг, думаешь госпожа Карла оценит вас сейчас?! Прошу прощение за

грубость, однако ваше поведение сейчас в корне не достойно вашего статуса.

Для Разана это было чистым самоубийством. Последние слова он вообще говорил невпопад, указывая пальцем в ночное небо с надеждой попасть на Солнце. И чудо таки свершилось.

Нилрем застыл мертвой статуей. За пол минуты он не шелохнулся ни на дюйм. Тайком наблюдавшие за незнакомцем горничные с облегчением вздохнули, когда вся угрожающая атмосфера утихла.

Остался только Разан, смелый дворецкий, который точно не хотел умирать сегодня.

Мужчина удивился, когда по прошествии тридцати секунд, Нилрем крепко взял его за плечи и...

— Ты совершенно прав! Разве достойно правителю позволять эмоциям идти впереди себя?! Это полнейший абсурд! Разан, ведь так твое имя?! Не говори, я его точно запомнил, — будто бы пылающий дракон вдруг обернулся мудрой черепахой. На лице юноши застыла улыбка, а сам он то ли восхвалял себя за своевременную силу воли, то ли хвалил дворецкого за правильные слова, здесь разобрать было сложно, говорилось много слов, и говор быстрым был.

В итоге, Нилрем (так и не представившись) все-таки поведал цель визита. Касалась она Джинкс, так что предельно прямое: «Я пришёл чтобы увидеться с моей малышкой Джинкс», все смотрящие с глазами блюдцами интерпретировали как слова молодого отца, который решил навеститься к дочери.

Никто особо не волновался откуда он, кто вообще такой и как тут оказался.

Даже Разан принял на веру суть отцовства юноши, и только внутри своей души слегка всплакнул.

«Получается, моя судьба, не более чем легкий роман».

В поместье вечно крутились свои страсти, и только окунаясь в них с головой, начинаешь по настоящему ценить собственные счастье.

Разойдясь по своим местам, и пополнив дом ещё одним ложным слухом, Нилрем наконец вошёл внутрь комнаты, где в центре уже стояла Карла.

— И кто же ты? — если в прошлый свой визит, женщина забыла надеть одежду, то в этот она слегка приделась. Только по мнению того же Грейрата, лучше от этого не стало.

— Меня не узнаешь? Лили разве тебе не сообщила?

Женщина сузила темные глаза, однако быстро их раскрыла шире прежнего. Она активно плеснула руками в стороны, буквально подплывая ближе к юноше и поднимаясь к нему на цыпочках, обвивая руками шею

— Ах! До чего же я слепа! Нилрем, это ведь ты? Да, точно не может быть сомнений, прости меня.

По всей видимости, слова: «Ты это заслужила», которые уронились Нилремом со всей серьёзностью, Карла восприняла очень близко к сердцу. Её поведение одомашнилось и на вкус Грейрата стало более опасным. Внутри тела Нилрема нарастало и пробуждалось нечто очень

тёмное, стоило лишнюю секунду задержать глаза на полупрозрачной ночнушке Карлы.

Сама же обольстительница нежно обняла своего спасителя полностью уверовав в его подлинность. Она узнала его запах.

Прижатый же к мягкости Грейрат скривился, обратив лицо в бегство от взгляда женщины. Он быстро выскользнул, подобно змею, и отошёл на безопасное расстояние.

— У меня не так много времени... — через силу выдавил парень.

— Я понимаю, — кивнула собеседница, сложив руки вместе. — Но как так получилось, что ты вырос в такого статного красавца за один месяц?

— Мх... эта одежда все ещё мала на меня? — неконтролируемый внутренний жар побуждал раздеться. — Ладно, забыли.

По мере продвижения диалоговых окон, в голову Нилрем продвигалась мысль о том, сколько же тяжело говорить с полуголой дамой в самом расцвете своих красот.

И дело тут не только в волнообразном возбуждении, но и в том, что раньше подобное помнилось как фрагменты воспоминаний. Долгие одиннадцать лет, внутри парня ничего кроме слабого интереса не отзывалось на женские чары и прелести. Даже разговор с полностью голой Карлой проходил куда как ровнее, чем с Карлой в накидке и взрослым Нилремом.

Кое как разум ещё подавлял жар внутри. Но понимание, что одно неосторожное касание или взгляд, «не туда» может нарушить равновесие, слишком нервировал нестабильного мага.

Оказавшись на пьедестале разврата и коварства, Грейрат продолжал балансировать между двумя пропастями, оставаясь в сознании и борясь с собственной дикой натурой. Разговор тем временем протекал лучше воды в реке. Подобно рыбе в воде, Нилрем на автомате «плавал» по вопросам и ответам, которыми Карла, видимо хотела затопить бедного парня. Случались и пустые междустрочные паузы, когда оба отдыхающих оборачивались на приоткрытое окно, только наблюдали они не картинку за комнатой, а танцующей от ветра белой занавеской. Почему-то она приковывала к себе взгляды лучше остального интерьера.

Нехарактерная болтливость Карлы в последующие минуты оправдывалась обычной скукой. Да и не виделись они уже давненько, пускай и проживают под одной крышей. Каким-то своим, шестым женским чувством роковая вдова ощущала, что ближайшие времена не позволят вновь вот так сойтись, усесться в глубокое и мягкое кресло и поговорить с Нилремом ни о чём и о всём одновременно. Как тот смертник на казне, ей хотелось побольше «надышаться жизнью».

— Так, если вы пришли ко мне, то не просто же так, верно? — перейдя на деловой стиль, Карла поднялась с кресла. Напротив, сидел кусающие губы Нилрем.

— А? Да, точно-точно, — внутри, кроме всенарастающей похоти, он чувствовал и бессильную злобу на самого себя. Поднявшую тело Карлу осторожно провожали глаза юноши. Он внезапно осознал, как сильно ужался внутрь, и потому расправился, все ещё находясь в мягком кресле.

— Карла, я хотел проведать Джинкс.

— Я не против.

— Знаю.

Пролетев рядом с женщиной, Нилрем наконец заглянул за белоснежную вуаль кровати, где между делом пряталась малышка. Темные, однозначно мамины глаза и посветлевшие волосы. Ранее они были такими же черными, как крыло ночного ворона, а сейчас локоны осветли едва ли до... до его оттенка золота.

— И давно Джинкс посветлела?

— Даже не знаю... это происходило как-то постепенно, незаметно.

«За один месяц у ребенка волосы цвет сменили на противоположный... такое должно бросаться в глаза».

— Последние дни она ничего странного не делала?

Вдова покрутила указательным пальцем в воздухе, совершая незамысловатый жест, прежде чем ответить категоричным:

— Нет. Ничего странного.

А поскольку использовать магию юноша сейчас не мог по объективным причинам, ему только и оставалось, что сжать кулаки и колоть малышку Джинкс глазами, пытаясь хоть откуда-то достать ответы. Единственная зацепка оказалась слишком маленькой, чтобы отвечать, и слишком пугливой, чтобы не заплакать от взгляда Нилрема.

Долго нависать над плачущим дитя маг не стал, и пустил на свое место мать, разворачиваясь к выходу.

— Уже уходите? — словно на прощание брошенные слова поднялись ветром в комнате и пролетели очень близко к ушам Грейрата. Как жаль, эти слова завязли в густом плаче, они так и не коснулись Нилрема.

«Если проблема не решается комплексно, её надо разбить на составляющие».

Подобным образом мышления, пользуются многие разумные. Разбивать задачу на несколько малых, но полегче; ставить выполнимые промежуточные цели на пути к мечте которая в ином случае кажется невозможной; откладывать из зарплаты суммы, рассчитывая в ближайшем будущем прикупить кое-что покруче.

Бесцельно бродящий по рядам неисчислимых книг, Нилрем задумчиво смотрел в пол и медленно, едва не методично, делал шаг в два удара сердца. Его тушка светилась в библиотеке академии не просто так. Альманах знаний, святая всех святых, сборище всей доступной информации Милиса хранилась здесь... Вернее так считали многие крестьяне. Им больше то знать и не нужно, они же вряд ли когда-нибудь прочтут и одну книгу. Школьная библиотека Милисиона взаправду была отличным местом для нечитанного ума, подмастерья в любом деле и направлении, однако же, «кто знал, тот знал». Библиотека школы не содержала по-настоящему стоящих книг, а мастера здесь разве что могли потешить ум разгадывая головоломки, да поинтересоваться прогрессом в иных направлениях.

Пускали в библиотеку через проходного, кем являлся ни в коем случае не нанятый по блату бездарный сын какого-то аристократа! Вы что, это же не профессионально...

И все же, этим днём, в обители знаний находилось мало обитателей.

Парочка вечных, как книги в их руках, стариков, как и всегда оккупировали мелкий столик на четверых. Выделялся он тем, что к этому столу приставлено четыре элитных кресла, и деды, занимая два по диагонали, фактически своими действиями они закрывали вообще все места. В этом была их извечная стратегия, уже многие года как к четырем элитным креслам не подступала ни одна нога моложе шестидесяти лет.

Вторым посетителем, был низкорослый, коренастый парень. На вид не больше пятнадцати. Одет в форму той школы, в которую ходит Нилрем, а вот на лице сверкали очки, и сверкали они куда-то в сторону столика для элиты.

На этом численность естественно не останавливалась и было несколько других людей, однако всех их объединяла серость мысли и безинтересность лиц. Грейрат совершенно не запоминал людей, плывя меж книг и размышляя над своей проблемой.

— Разбить что-то на кусочки, — кое-где из его рта непроизвольно вылетали доселе скрытые мысли. Эти куски необъятного разума, если их не собирать в цельную картину, пугали своим содержанием окружающих зевак. Удивлённо раскрытый рот немногочисленных людей, был только вершиной айсберга.

И вот, небесный взор скользнул по прилегающим поближе книгам. Корешки учтиво подписали именами, однако ни «Энциклопедия тварей земли Бегаритта», ни «Сборник рассказов о Лапласе» не подходил размышлениям.

Вот так осмотревшись получше, парень осознал, как же резво пыль поднималась под ногами именно в этой части библиотеки, и как же много здесь было ширпотреба, на который никто особо не смотрел. Видимо потому здесь и грязно, что книги о сказках про Лапласа, всем перед сном родители читали, и перечитывать их будут разве что перед сном, уже своим ненаглядным.

«Какое разочарование», не только мысли, но и тучное лицо скривилось от осознания сего факта. Милисион ведь столица целебной магии, здесь должны быть методы исцеления которых нет в ином городе и государстве. Однако ничего прорывного в библиотеке найти оказалось невозможно. Это было совершенно нормально, никто в подобных местах не оставит исцеления по меньшей мере святого ранга.

— Что ж, раз здесь ничего не...

Откусив кусок предложения, переливаемые синевой глаза словно встретили знакомого друга. Кого-то очень старого, но в то же время узнаваемого. Склонившись с по настоящему невинной и радостной улыбкой, Нилрем едва тронул корешок интересующей его книги, будто бы почесал спину спящего пса на улице. Рука тут же отдернулась, а лицо изумленно выжидало. Случится ли что необычное? Вправо, влево — никого. А значит...

«Проклятие»

— Именно... меня ведь прокляли, ошибки быть не может. Я просто проклят. А проклял меня...

Резкая боль в голове не позволила закончить фразу, обрывая её на пике своей полезности. И это была не та мигрень, которую всякий мог бы ощутить. Боль, которую испытал юноша на первый взгляд слабее мигрени, однако же она оказалась более запутанной. Укололо не в какой-то определенной части головы, будь то висок или затылок, «укол», произрастал изнутри,

подобно ростку, который собирался пробиться сквозь почву и расцвести, так и игла приносила боль изнутри головы, хранясь где-то в основании.

Воспоминания, их очертания и силуэты смывались, аки послание на песке смывалось волнами или же задувалось ветром. Остались знакомые силуэты, и ничего более.

На время, тело Грейрата оперлось спиной о крепкую стену. Силы стремительно вытекали из колен, заставляя дырявые ноги дрожать и преклоняться. Обострение боли в теле должно было отвадить разум Нилрема от мысли в том направлении которое забылось.

Он больше не помнил знаковое событие своей жизни так хорошо, как должен, однако этого и не нужно было. Сама магия подала ему подсказку.

— Прокляли... Кто-то или что-то...

С телом, разумом и самой душой великого мага творился полный беспорядок, и привести себя в порядок он должен был своими силами. Для этого, не в последнюю очередь ему нужны знания.

Для начала, Нилрем полностью забросил остальные направления, такие как элементарная магия, магия крови, электричества, голоса, призыва, круга и руны.

Все эти направления забирали драгоценное время, которого оставалось не так и много. Отныне один его день должен быть продуктивнее обычного в десятки раз. Для этого поистине нечеловеческого подвига, довелось не только прошерстить библиотеку, найдя ещё две книги с прямыми интересующими темами, и множество книг смежных направленностей, но также, довелось затянуть огромному самомнению и гордости пояса потуже. Естественно, будучи в единственном экземпляре, Нилрема не хватит на все места одновременно, и потому была запрошена рука помощи. Вернее, руки помощи.

Обращаясь к близким, которые всей толпой вошли в его комнату, Нилрем особо и не скрывал, как тяжело ему давалось опускать голову. Впервые за много лет, он снова почувствовал стыд и горечь. Осознание мизерности собственных сил не прошло просто по щелчку пальцев. Изначально он и не собирался никого ничего просить... впрочем, Жизнь смеётся, стоит ей услышать планы человека. Постоянная боль на протяжении семи дней и невозможность колдовать были не теми факторами, которые стряхнули с парня жалкие слова о помощи. Как никак, а боль день ото дня спадала, а магия понемногу возвращалась в свое русло. Настоящим двигателем к действиям являлся зародившийся под сердцем иррациональный страх проснуться утром не молодым юношей, а стариком на смертном одре. Постоянный страх неминуемой смерти точил разум, аки вода камень. Старание, смерть, жизнь, все это ещё пару дней назад казалось далёким и неопасным. За эту одинокую неделю, где маг ушёл в полное отшельничество ото всех, эти самые фундаментальные чувства взяли над ним вверх. Он проиграл, ведь если бы не сдался, если бы продолжил жить, не поделившись с остальными грузом собственных проблем... Возможно, великий маг мог упасть в безумие.

Для прошлого Нилрема, клонить голову и вправду было «безумием», но не сейчас. Сейчас имело место только искреннее желание выжить и разобраться с проблемой, которую в одиночку не поднять.

Первой свое слово поставила Мари. Она же первой разрушила тихий вакуум после сердечной просьбы. Ей довелось отважно ступить вперёд, и так же внимательно подбирать слова

поддержки.

«Я помогу чем смогу!» с подобной фразой она могла бы полностью разбить и без неё кривое лицо Грейрата. Вместо этого, с её губ слетело более приятное: — «На меня ты можешь рассчитывать».

Рука Мари подобно обессиленной лебединой шеи, тут же улеглась на склонившуюся светлую голову. Слегка потрепав её, она сблизилась и добавила робким и трепещущим шепотом, так чтобы слышал только он: «Я всегда буду с тобой».

Скорее больше из привычки, разнимать их двоих, второй помощницей вылетела Аиша, нахмурено бурча под нос нечленораздельные сестринские заговоры. Видимо таким образом девочка пыталась методом тыка найти некую «магию младшей сестры», которой сможет отгонять всех неугодных от брата. Особенно когда он в таком уязвимом состоянии.

«Ты мог бы и не просить, я всегда в твоём распоряжении, братец!»

Аиша в шутливой манере похлопала взрослого брата по тому, до чего дотягивалась, и дотягивалась она ему едва ли до лопаток.

Словно следуя, сказанию из народной мудрости, где говорится простое: «Где один и два, там три и четыре», к Грейрату подходили люди.

Сперва Лилия, которая до последнего не верила в то что видит.

«Нилрем никогда не просит помощи», вот что огромным мысленным колом стояло в её поле зрения и не давало увидеть отчаяние в глазах юного господина.

Служанка как парализованная, стояла неподвижной монолитной восковой статуей, пока не двинулась её дочь.

«Юный господин, мы обязательно что-нибудь придумаем», это были слова женщины, которая совершенно не понимает, чем может помочь, но которая точно верила в своего господина и его мудрость.

Аиша глянув исподтишка и ухватила этот смысл себе в копилку знаний.

Нерешительная Норн ещё ни разу не помогала подобным образом. Она не знала, что говорить, как действовать. Просто пошла туда, куда пошло большинство. Не то, чтобы ей не хотелось помочь брату, или ей было слишком сложно, просто двинулась вперёд девочка быстрее чем продумала что говорить, потому она так и осталась немой рыбой, не проронив ни слова, и просто взяла Нилрема за рукав.

— Юный господин, кажется не осталось тех, кому все равно на вашу судьбу. Однако я не верю, что вы собрали нас только чтобы мы проявили вам поддержку. У вас же есть план действий?

Одна пара глаз за другой обращались к скованной фигуре. Всего секунду назад, она казалась жалкой и незначительной, но, секундное преображение, распрямление плеч, выравнивание осанки, сотворило из телосложения бывшего мученика резонные перемены. Лицо, что не выражало ничего кроме сильного беспокойства, вдруг оросилось воздушной, облачной улыбкой.

— Естественно. Для начала...

Поскольку критически не хватало специфичной информации, из открытых источников заполучить её получалось только в малых порциях.

Более подробно её можно было бы выпросить, украсть, обменять, купить у других магов. Кто, как не маг может помочь иному магу разобраться в магической проблеме? Ну разве не чудо, что Нилрем оказался в центре магической престижной школы, где каждый учитель тот или иной маг высокого качества. Возможно личная сила их не так уж чтобы велика, однако знания, отложившиеся за десяток лет, могли дать фору любому аматору.

Вот так естественно и пролетел целый месяц. Близилась зима, а перед ней, свои желтые дорожки листьев стелила осень.

Как выяснилось, в школе существует две, а может даже три библиотеки. Первая, общественная, куда попасть не трудно, достаточно быть учеником или учителем в той школе. Вторая библиотека, называлась личной. И пускали в неё юные дарования, которым суждено однажды стать великим. Вернее, так о личной библиотеке разглагольствовали взрослые и дети, совсем пропускаю мимо глаз классовое неравенство. Если простого деревенщину из народа, за которым никого нет, и пустят в обитель тайных знаний, то только если этот самый крестьянин пробьется туда грубой силой.

На себя, роль пропуска в личную библиотеку, взвалила Мари. Все соучастники сидели в общей комнате по кругу, без слуг и дворецких, да как на дешевеньком спектакле, раздавали бумажки с ролью. Красные хвостики в предвкушении загорелись идеей попасть на суровую вражескую территорию, и найти там все ответы на интересующие вопросы. Мари была до того праведно воодушевлена, что готова была сделать все за возможность попасть в личную библиотеку.

При слове «все», незаметно напрягся Нилрем, так же быстро окинув вполне хорошо развивающуюся фигуру ранее не особо интересной ученицы. Так что, билет с личной библиотекой, очень быстро переместился с одной руки на вторую. Аиша удивленно хлопала глазками, не понимая подобной резкой смены парадигмы.

Нилрем естественно пояснил что-то там о «большем потенциале», и то что в случае вскрытие утечки информации, маленькая Аиша всегда может притвориться запуганным ребёнком. Принять подобное Мари согласилась только с условием, что ей обратно вернут что-то столь же равноценное. От сердца Нилрема камнем отлегло коварное воображение, где старые учителя это «готова на все», перетрактуют как-то извращенно.

Не долго у Грейрата песенка играла, ведь если Мари в конце концов он просил навещать директора и подтачивать его на какие-никакие пояснения, то Аишу могли точно так же накрутить на nepотребство.

Любой рискованый шаг для родственников Нилрема на каком-то этапе плана вызывал у него несознательно вспышку ярости, которую давить приходилось болью (щипая свою ногу).

Мысли, которые он не говорил вслух, однако всем своим видом показывал, когда роли разошлись по всем близким были: «Лучше бы не просил помощи» и «Сам я справился бы лучше». В этом сложно признаться самому себе, однако Нилрем очень волновался. Он знал, что у Аиши хватит ума не вступать в неприятности, Норн в худшем случае могла отбиться магией, а Мари могла искать помощи у директора Арса... и все же беспокойство на сердце с каждым днем усиливалось и усиливалось.

За этот месяц, все пытались словно и не замечать перемен, которые происходили вокруг. Не только взгляды Нилрема менялись, смещались в его глазах акценты, ставились запятые, троеточие и формировалась некая надёжная стена. Крепкая, добрая, та на которую можно положиться и укрыться от всех бед. Та, за которой прятался и сам Нилрем.

Свои оценки Аиша не переставала показывать брату, сестре, Мари и матери. Хвастаться или нет, но все по-своему радовались её новым свержениям. Норм в школе, поубавила важности. Подражая брату, она уменьшила самомнение и стала на порядок добрее для прохожего глаза. «Принцесса Норм» — холодная и надменная маска, для окружающих её одноклассников, трещала, на фоне гениальной Аиши. Потому вместо того, чтобы держаться за неё всеми силами, она сняла свою застывшую во льдах исключительность, явив миру теплую улыбку.

Был эпизод о том, как в гости собиралась Клэр Латрей и её муж, и все родственники, не зря приютившие гения Нилрема Грейрат. Но те танцы с бубном мы отложим как-то на следующий раз, в ином месте и времени.

По прошествию одного месяца, Нилрем наконец-то осознал, с чем связано его безграничное беспокойство. Проблема в том, что ничего путного никто не нашёл. Аиша, за невообразимо короткий срок сумевшая попасть в личную библиотеку и отзывалась о ней с положительного ключа, сравнивая её с колодцем, на дне котором драгоценные камни. И даже там, вместо камней в конце колодца Нилрем ждал узреть не блестящие камушки, а воду. Информации о проклятиях или самой душе там было крайне мало. Книга в лучшем случае, а остальное набиралось из оглавлений глав.

Закончились и книги с общей библиотеки. Они слегка прояснили дымку неясности, однако авторы этих книг умело дрейфовали на волне, разбрызгивая воду куда только не посмотри. Одни предположения и философия без конкретных цифр, слов и данных. К основной мысли, которая заложена в книге «Проклятие», а именно — «Все проклятия так или иначе затрагивают духовную структуру живого существа», можно было прийти быстрее чем размазывать эту мысль на триста страниц собственных наблюдений. Магический глаз Киширики и то давал более точную картину. Впрочем, Нилрем не видел душ ещё ни разу, однако был уверен, что такой глаз у демоницы есть.

По всей видимости, единственным решением было только одним.

— Директора Арс говорил, что проклятия на более глубоком уровне изучал один его старый знакомый, который сейчас должен проживать в Ранноа...

Вопрос как разделить на две части, одну отправив за капризной императрицей, а вторую за этим самым знакомым, предстал на плаху и ждал, когда же быки понесутся в разные стороны.

Когда правильных варианта два, правильнее будет выбрать тот, который принесет больше бонусов. И гипотетическая, надуманная возможность Киширики иметь глаз способный видеть душу (с ней потом ещё что-то делать нужно), перекрывался реальным человеком, потратившим года своей жизни на исследования проклятия. Выбор очевидно был за вторым.